

божественную и заутреню и вечерню поют без звону, а Русь в церкви ходят, а пение слушают, а крещение Русское есть».¹ Вероятнее всего, эта заметка, несколько искаженная уже в передаче («русская» вера, «Русь», «русское» крещение), идет от рассказа кого-либо, побывавшего в Константинополе вскоре после его взятия турками.

Как можно заключить из нашего обзора, отзвуков устных сообщений о взятии Царьграда в письменности сохранилось очень немного, особенно если принимать во внимание важность для русских людей самого события, а также и то, что первое время после взятия Константинополя эти устные рассказы были единственным источником сведений об этом событии, а приток беглецов из греческих земель в это время был особенно обилен в России. Таких устных рассказов, надо полагать, особенно было много преимущественно в правящих кругах, для которых эти рассказы имели и некоторый практический интерес, главным образом в политическом отношении. Московское правительство XV—XVI веков, как известно, даже прямо для этих политических целей собирало сведения о соседях, близких и дальних, записывало показания пришельцев («сказки», «опросные речи»), поручало собирать своим агентам («статейные списки»); часть этих сведений и сохранилась в столбцах московских приказов. Рассказы, занимательные в бытовом смысле (например, о чудесах, явлениях природы, обычаях и т. п.), изредка записывались и еще реже сохранялись, особенно для старшего времени (XV—XVI века).² Некоторая часть сохранившихся записей, правда, касается Царьграда, но к занятию его относится лишь одна (бывш. Рум. муз., № 63, XVI в.), да и та говорит (притом ошибочно) о годе взятия Царьграда и называет Мустафу как завоевателя.³ Несомненно, что сохранившиеся записи о Константинополе в XVI и XVII веках имели своим предметом позднейшее состояние Греции под турецкой властью, как более интересное для современников. Острота впечатления от взятия Царьграда (получившая такое яркое выражение в повестях начала XVI века) уже значительно притупилась. Продолжая интересоваться Грецией, интересовались другими сторонами ее жизни, более близкими современности, каковы общественные бедствия в Константинополе (землетрясения, необыкновенной величины выпавший град), или так называемые чудесные явления (всегда привлекавшие внимание) или же просто сведения о быте тамошних христиан. Таково большинство записей, касающихся Царьграда, собранных А. И. Соболевским.

VII

Краткая повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан», известная нам по спискам начиная с конца XVI века, связана с Хронографом редакции 1520 года, до нас дошедшей в переделке конца XVI века, в нескольких списках так называемого Хронографа, не деленного на главы, и в нескольких сборниках XVI—XVII веков, стоящих в той или иной зависимости от редакции Хронографа 1520 года.⁴ Вот перечень списков

¹ ПСРА, XV, стр. 495.

² Из числа двух десятков таких записей, собранных А. И. Соболевским, только три относятся ко второй половине XV века, к XVI — восемь, остальные — уже к XVII веку.

³ Она приведена целиком у А. И. Соболевского (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб, 1903, стр. 384—385).

⁴ Установлению этой редакции и отчасти выяснению ее отношений к дошедшим до нас типу и редакциям Хронографа, не деленного на главы, посвящены стр. 113—118 исследования А. А. Шахматова «К вопросу о происхождении Хронографа» (Сборник ОРЯС, т. 66, 1899); от этой работы А. А. Шахматова я и исхожу в дальнейшем.